

В.А. ТУПИКОВ
(Волгоград)

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИБЛИИ
В КАЧЕСТВЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО
ТЕКСТА В «ЖИТИИ СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО»**

Анализируется функционирование Священного Писания в качестве прецедентного текста в «Житии Сергия Радонежского», написанном Епифанием Премудрым. Предпринята попытка выявить механизм действия библейских цитат на предполагаемого читателя «Жития...».

Ключевые слова: *агиография, культ святых, цитата, прецедентный текст, языковая личность.*

«Житие Сергия Радонежского» (далее – ЖСР) неоднократно становилось объектом исследования в отечественной науке (подробную библиографию см. [2, с. 217 – 220]). Однако функционирование Священного Писания в указанном памятнике древнерусской письменности рассмотрено недостаточно глубоко.

Преп. Сергей Радонежский, как и инок Епифаний Премудрый, написавший его житие, принадлежали миру русского монашества, добросовестно продолжавшего византийскую монашескую традицию. Одной из духовных практик монашеского делания, возникшей вместе с самим монашеством, является так называемое «Поучение в Писаниях». Суть указанной практики состояла в предельно внимательном чтении (слушании) Священного Писания, размышлении над его смыслом, причем количество прочитанного или услышанного не было определяющим фактором. Важно было как можно больше запомнить наизусть, чтобы потом воспоминание слов Писания служило молитвой. «Именно эта установка вдумчивого вхождения в смысл слов Священного Писания и приводила, в конечном итоге, к знанию наизусть огромных объемов текстов, а не только Псалтири (которую и века спустя знали почти все монахи) и Нового Завета (который и позднее почти все знали наизусть частично, а многие полностью)» [7, с. 40].

В тексте ЖСР встречается несколько упоминаний о существовании практики «Поучения в Писаниях» в обители преподобного. Житие повествует, что игумен наставлял своих

подопечных жить *по вся дни псалмы Давидовы присно въ устѣх своих повсегда имущи* [3, с. 340]. В главе «Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию», описывая добродетели, которыми с детства отличался преп. Сергей, Епифаний упоминает и то, что святой *от самых пелень Богу освятися, измлада церкви велми пристояше, и часто в ня входя, поучаяся въ святых книгахъ, навькъ божественная писания, и сладостно их послушаа, и в них поучашеся* [3, с. 416]. Однако в данном случае самым весомым аргументом, на наш взгляд, является сам текст ЖСР, в который агиограф включил около двухсот цитат и реминисценций (о терминах см. [9, с. 17]) из Священного Писания. Ф. Вигзелл убедительно доказала, что при составлении своих произведений Епифаний цитировал Священное Писание по памяти [1, с. 232–243].

Как известно, основной функцией агиографического произведения является дидактическая [12, с. 2–4]. Согласно православной антропологии, грехопадение настолько исказило первозданную природу человека (об этом см., напр.: [4]), что если его предоставить самому себе, никак не помогая найти нужное направление жизни, то он, в силу своей «поврежденности», изберет тот путь, который в одном древнем памятнике христианской письменности под названием «Дидахи» называется «путем к смерти» [11]. Следовательно, одной из важнейших задач церковной жизни становится дидактика – научение верующего тому, чтобы идти «путем к жизни», в этом отношении агиографический жанр является неопенимым пособием для простого христианина. Это связано прежде всего с тем, что «то содержание, которое доступно немногим профессионалам через посредство догматических, канонических или исторических трактатов, становится всеобщим достоянием через агиографию – и в этом состоит важнейшая функция этого рода литературы, да и вообще культа святых» [6, с. 54].

Можно предположить, что Священное Писание в житии как произведении, призванном решать крайне важные дидактические задачи, также играет далеко не последнюю роль – хотя бы потому, что в качестве прецедентного используется не обычный, а сакральный текст. Однако не только сакральность текста препятствует нам видеть в его использовании исключительно орнаментальную функцию. Ю.Н. Караулов, говоря о прецедентных текстах в це-

лом, их функционировании в дискурсе определенного индивида, также отвергает представление о них как о декоре. По мнению исследователя, изучение прецедентных для определенной личности текстов позволяет получить о ней весьма серьезные сведения, увидеть те проблемы, которые для нее жизненно важны. В результате такого рода анализа мы получаем «систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих ее позицию и образ действий» [5, с. 235].

Однако если для исследователя важно узнать, какими мотивами человек руководствовался в своей жизни, то перед автором христианской дидактической литературы (в нашем случае – агиографом) стоит задача сформировать систему ценностей читателя жития таким образом, чтобы она соответствовала христианскому видению мира и человека, христианской традиции в целом. При таком подходе дидактика состоит не столько в необходимости передачи новых интеллектуальных знаний, сколько в исправлении человека, в том, чтобы изменить его неправильный (греховный) образ жизни на правильный (безгрешный). Вводя в свое произведение фрагменты Священного Писания, используя их в качестве прецедентных, автор должен был расставить их в тексте так, чтобы сформировать совокупность критериев и оценок, с которыми читатель жития подходил бы «к жизненным ситуациям и коллизиям, а соответственно, и совокупность мотивов, определяющих <...> позицию и образ действий» (Там же) этого читателя. Следовательно, не знание Библии нужно для понимания смысла агиографического произведения, а чтение жития необходимо для того, чтобы его читатель лучше узнал Священное Писание, которое, в свою очередь, стало бы фактором, влияющим на его повседневную жизнь.

Рассмотрим, каким образом указанная установка реализуется в ЖСР. Глава «О избыточности потребных» полностью посвящена описанию монашеской добродетели, заключающейся во всецелой надежде на Бога (о взгляде на монашество как на продолжение пророческого служения и связанную с ним «духовность пустыни», а также особое значение в ней надежды на Бога см. [13, с. 32]). В данной главе описывается случай, когда в монастыре закончились все продукты. Поскольку монастырский устав запрещал монахам покидать обитель, братия оказалась в достаточно стес-

ненных обстоятельствах. Когда монахи настолько отчаялись, что даже пример игумена, терпеливо переносящего голод, уже не мог воодушевить их, преп. Сергей обращается к ним со словами увещания, и, среди прочего, говорит: *Глаголет бо господь: «Не аз ли есмь подательница пища, и житныя плоды износя, и житница напльнаа, и кормитель всему миру, и питатель вселеня, даай пищу всякой плъти (1), даай пищу им въ благо врѣмя, отвързаа руку свою, насыщая всяко животно благоволения? (2)» И въ Евангелии господь рече: «Ищите и просите прежде царства божия и правды его, и сиа вся приложатся вам (3). Възрите на птица небесныа, яко ни сѣют, ни жнут, ни собирают в житница, но отецъ небесный кормит: не паче ли вас, маловѣрии (4)? Тръпѣнии убо, тръпѣниа бо потреба есть: въ тръпѣнииашеи стужите душа ваша (5); претръпѣвьи бо до конца и спасетса (6)» [3, с. 346].*

В данном случае мы встречаемся с шестью фрагментами Священного Писания, два из которых представлены Псалтирью и четыре – Евангелием. Слова *даай пищу всякой плъти, даай пищу им въ благо врѣмя, отвързаа руку свою, насыщая всяко животно благоволения* составлены из 25 стиха 135-го псалма *ДАНІ ПИЩѢ ВСАКОЙ ПЛОТИ* (Пс. 135: 25) и 14–15 стихов 144-го псалма *ТЫ ДАЕШИ ИМ ПИЩѢ ВЪ БЛГО ВРЕМЯ. ѠВЕРЗАЕШИ ТЫ РЪКУ ТВОЮ, И НАСЫЩАЕШИ ВСАКО ЖИВОТНО БЛГОВОЛЕНІА* (Пс. 144: 14–15). Такое органичное объединение слов, содержащихся в двух разных псалмах, дает Епифанию возможность отчетливо выразить мысль о попечении Бога над всеми живыми существами. Выразив данную идею без ссылок на источники, далее Епифаний переходит к евангельскому тексту. Цитата, следующая после вводных слов *И въ Евангелии господь рече*, является соединением сразу четырех евангельских фрагментов: *ищите же прежде црѣвіа вѣіа, и правды єго и сиа вса приложатса вамъ* (Матф. 6: 33); *възрите на птица небесныа, ꙗко не сѣютъ ни жнутъ, ни собираютъ в житница, и ѡцъ вашъ небны питаетъ ихъ. не вы ли паче ѡчши ихъ єсте* (Матф. 6: 26); *в тръпѣнииашеи, стужите дша ваша* (Лук. 21: 19); *Претръпѣвьи же до конца, тои спсетса* (Матф. 24: 13).

Как мы видим, небольшой фрагмент ЖСР содержит ряд изречений из Священного Писания, обосновывающих необходимость всецелой надежды на Бога, поскольку именно Он, согласно православному учению, является подателем всего, что есть у человека и что человек может считать своим. Житие повествует далее о том, как вскоре после увещания игумена в монастырь чудесным образом

была привезена провизия, что в очередной раз ясно показало правоту преп. Сергия и его образа мыслей, какими бы несвоевременными они ни казались в свое время монахам, напуганным угрозой голода. На читателя (можно предположить, что житие подвижника предназначалось в первую очередь именно монахам) житие могло воздействовать следующим образом: вместе с моделью верного поведения в сложной ситуации, когда стоит выбор – до конца оставаться верным Богу и надеяться только на Него либо отступить от первоначально выбранного пути, – читатель получал и четкое догматическое обоснование такого поведения, заключающееся в словах Священного Писания.

Говорить словами Священного Писания в житии может не только святой, которому оно посвящено. В ЖСР Епифаний так передал поучение, которое произнес перед преп. Сергием епископ Афанасий, возведший святого в священник и поставивший его игуменом в монастыре. Обращаясь к Сергию, епископ сказал: «*Како длѣжно ти естъ, възлюбленне, по апостолу, “немоци немощных носити, а не себѣ угажати. Но на съгражденне кождо ближнему да угаждает”*» (1). *И пакы к Тимофею посылает, глаголя: «Сия предаждь вѣрнымъ человеком, иже достиженіи будут и иных научити»* (2). *Еще же: «Друг другу тяжести носите, и тако скончае закон Христовъ* (3)» [3, с. 328].

Первый фрагмент является 1-м и 2-м стихами 15-й главы послания апостола Павла к Римлянам: *Длѣжни же есмь мѣ силни, немоци немощны носити, и не себѣ угажати, кождо же въ ближнемъ да угаждаетъ въ блгоє къ създаінію* (Рим. 15: 1–2); второй – *и іже слыша ѿ мене, мнозили свѣдѣти, сіа предаждь вѣрнымъ чѣкомъ, иже доволни вѣдѣтъ і иныхъ научити* (2 Тим. 2: 2) – взят из 2-го стиха 2-й главы второго послания к Тимофею. Наконец, 2-й стих 6-й главы послания к Галатам *Другъ другъ тѣлѣты носите, и тако исполните законъ хвѣ* (Гал. 6: 2) входит в третий фрагмент.

Основой пастырского служения, как это явствует из приведенного блока цитат, является забота о вверенных попечению пастыря людей, научение их истинам веры, служение им. ЖСР не оставляет никаких сомнений в том, что преп. Сергий, исполняя игуменское служение, полностью соответствовал образу пастыря, который дает в своих посланиях апостол Павел. Не менее очевидно, что Епифаний не столько передавал речь епископа Афанасия, сколько наставлял своих читателей, давая им образ истинного пастыря, который, как предполагает В.Н. Топоров, мог

быть основательно забыт современниками преп. Сергия [10, с. 456].

Итак, Священное Писание в ЖСР выполняет крайне важную функцию. С его помощью автор фокусирует внимание читателя на тех истинах христианства, которые считает нужным до него донести. Можно предположить, что отсутствие на Руси вероучительных споров, хотя бы отдаленно напомиавших догматические баталии в Византийской Церкви (в которых жития и культ святых также играли далеко не последнюю роль – об этом см. [14, с. 128–140]), давало агиографам возможность уделить максимум внимания разъяснению необходимости христианского образа жизни.

Преп. Сергий представлял собой идеал не только для монахов, но и для священников и мирян, а его поведение в той или иной ситуации мыслилось как правильное, такое, которому нужно подражать. Священное Писание, функционирующее в тексте жития, выполняло, как минимум, две функции. С одной стороны, прием, состоящий в цитировании Библии, давал читателю возможность понять, что основным мотивом поступков святого являлась воля Бога, выраженная в священных книгах, с другой – небольшие по объему библейские фрагменты, привязанные к определенным ситуациям, запоминались вместе с повествованием о жизни святого. Это, в свою очередь, позволяло Священному Писанию быть одним из факторов, влияющих на повседневную жизнь человека, быть критерием оценки той или иной ситуации, мотивом выбора.

Литература

1. Вигзелл Ф. Цитаты из книг Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26. М.; Л., 1971. С. 232–243.
2. Дробленкова Н.Ф., Прохоров Г.М. Житие Сергия Радонежского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Л., 1988. С. 217–220.
3. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / под ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1981. С. 256–429.
4. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
6. Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб., 2009.
7. Лурье В.М. Призвание Авраама: Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб., 2000.
8. Острожская Библия 1581 г. Факсим. переизд. М.–Л. : Слово-Арт, 1988.

9. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // *Вопр. языкознания*. 1995. №6. С. 17–29.
10. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.) М., 1998.
11. Учение Господа, переданное народам через 12 апостолов (Дидахи) // *Журнал Московской Патриархии*. 1975. №11. С. 7–20.
12. Delehaye H. *Les legends hagiographiques*. Bruxelles, 1995.
13. Desprez V. *Le monachisme primitif*. Bellefontaine, 1998.
14. Esbroeck M. *The Saint as a Symbol* // *The Byzantine Saint*. N.Y., 2001. P. 128–140.

~ ~ ~

Some aspects of the Bible use as a precedent text in the Life Story by Sergiy Radonezhsky

There is analyzed the functioning of the Holy Writ in the capacity of the precedent text in the Life Story by Sergiy Radonezhsky written by Yepifaniy the Sage. There is taken the attempt to reveal the mechanism of the Bible quotations effect on the potential reader.

Key words: *hagiography, cult of the holy, quotation, precedent text, language personality.*

Н.С. КОТЯЕВА
(Санкт-Петербург)

ЭКСКУРСЫ В ОБЛАСТЬ РУССКОЙ КОМЕДИИ XVIII в. (о лексических заимствованиях из западноевропейских и других языков)

Дан анализ заимствованной лексики в русской комедии второй половины XVIII в., выявлены ее лексико-семантические группы, определены семантические изменения, особенности формирования новых, переносных значений и способы адаптации к русскому языку

~ ~ ~

Ключевые слова: *русская комедия XVIII в., лексические заимствования, лексико-семантические группы, стилистические функции.*

XVIII в. – важная эпоха в становлении русской государственной системы, экономики, науки и культуры, словесного творчества

и самое главное – в развитии русского литературного языка. В это время происходит упорядочение языковых норм, грамматической и стилистической систем языка, его дальнейшая демократизация.

Расширение контактов России с другими странами привело к активному пополнению словарного состава русского языка разного рода заимствованиями. Главную роль здесь сыграло прежде всего западноевропейское языковое влияние: французский и немецкий языки являлись «главными источниками заимствований и языками-посредниками» [1, с. 176]. И это не случайно. Язык великих просветителей – Ф.М. Вольтера, Д. Дидро, Ж-Ж. Руссо – был наиболее богатым, стилистически развитым, выразительным в Европе, знание французского языка считалось для русского дворянства признаком высокой культуры и образованности, необходимым условием контакта с цивилизованным миром.

Большое значение для истории русского языка, исследования процессов заимствования имеет изучение языка комедий, т.к. именно в них отразилась реальная языковая ситуация, о которой еще так мало известно. Наше внимание привлекли драматические произведения второй половины XVIII в., созданные такими выдающимися мастерами художественного слова, как А.П. Сумароков, И.А. Крылов, Д.И. Фонвизин, В.И. Лукин, Н.П. Николаев, Н.Р. Судовщиков, Е.Р. Дашкова и др. Это была так называемая новая русская комедия, хорошо отразившая живой разговорный язык той эпохи, его социальное расслоение, стилистическую неоднородность и самое главное – иноязычную лексику различных генетических источников.

Многообразии языкового материала предполагает необходимость дифференцированного подхода к различным группам заимствованных слов при его систематизации, установлении общих принципов и условий функционирования. На наш взгляд, семантика и своеобразие иноязычной лексики ярче всего проявляются в лексико-семантических группах, которые мы выделили. Центральное положение занимают слова, связанные по значению со сферой «человек», многогранной и разноплановой, характеризующейся различными семантическими преобразованиями, развитием переносных значений, расширением аналого-синонимических рядов.